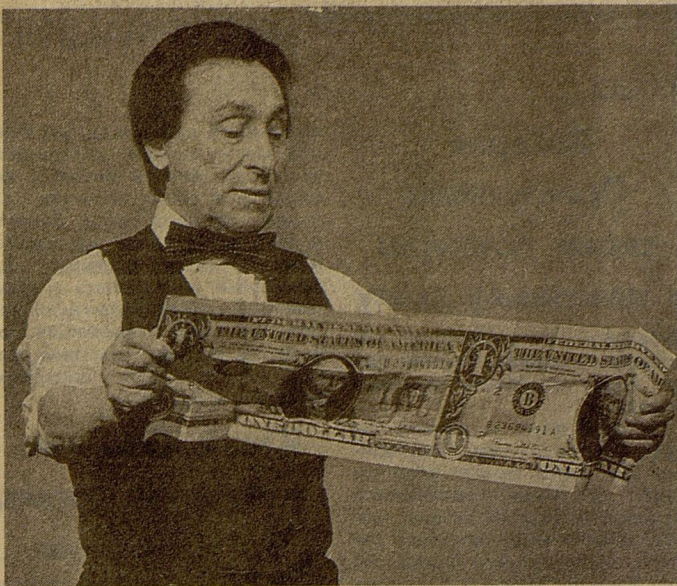

Мой собеседник —
Король Международной
магии-88, лауреат семи
международных
конкурсов, обладатель
«Гран-при» и большой
золотой медали в
Париже.

Мой собеседник —
человек с грустными,
задумчивыми глазами.
И нет, кажется, такого
вопроса, который
застал бы его врасплох.
Мой собеседник —
народный артист СССР

Арутюн Акопян

НЕТ НАДЕЖДЫ БЕЗ ВЕРЫ

— Арутюн Амаякович, вся наша сегодняшняя жизнь — это сплошные фокусы. Не отбивают ли политики у вас хлеб?

— Политикой должны заниматься профессионалы. К сожалению, их не так много, вот они изо дня в день и преподносят нам сюрпризы, от которых мы все уже очень устали. Потому, наверное, зритель валом валит на мелодрамы и развлекательные фильмы, эстрадные концерты, в цирк.

— Способ уйти от сегодняшней действительности?

— Согласитесь, мы все-таки живем не одними только проблемами — нужна ведь разрядка. Человеку хочется от души поплакать или посмеяться.

— «В смутные времена слепец всегда идет за сумасшедшим», — сказал Шекспир устами Короля Лира. Сегодня наступили смутные времена?

— Тот же Шекспир говорил: век вышел из суставов, порвалась связь времен... Я думаю, сейчас идет период восстановления естественной связи времен, и, быть может, век как раз «входит» в свои суставы. Спор нет, процесс чрезвычайно сложный, болезненный, но он не может быть мгновенным — идет мучительное оздоровление общества. Даже на молодых ребят-кооператоров, которые сорят деньгами, я смотрю со снисхождением — они стали пленниками «золотого тельца». У меня они не вызывают ненависти или презрения — только сожаление. За такой короткий срок изменить себя невозможно, а мы хотим это сделать. Мы возвращаемся к Богу из ада, карабкаемся из пропасти — тяжелый труд: ломаются ногти, избиты в кровь руки, мы постоянно падаем, но все же постепенно поднимаемся вверх.

— Вы сказали, что на молодых кооператоров, соряющих деньгами, смотрите с сожалением, а на нищих?

— Я подаю им милостыню.

— Стало быть, вы не богаты?

— Почему вы так думаете?

— Ницше писал: я не подаю милостыню, для этого я недостаточно беден...

— Сегодня богатый человек — это так относительно. Те, кто года два-три назад считался состоятельными людьми, сегодня оказались на среднем жизненном уровне. Так что, наверное, я не настолько богат, чтобы не подавать милостыню.

— Вы можете себя в чем-либо упрекнуть? На вас не «висит» груз прошлого?

— Мы многим обязаны нашему прошлому. Не нужно его стыдиться. Нам, возможно, есть в чем себя упрекнуть — делали не то, что нужно, и не так, как нужно, верили в то, во что, как выяснилось, и верить не надо было, но стыдиться... Стыдиться нам нечего.

В 1961 году я выступал в Париже на лучшей сцене — в Олимпии. Был международный конкурс, в котором участвовали 400 человек из 28 стран. Тогда я получил три премии сразу: Первую премию лауреата, Большую золотую медаль имени Робера Губена (именную) и «Гран-при». И когда в мою честь заиграли гимн Советского Союза, передо мной в один миг промелькнуло мое детство. В 18-м году отец привез меня из Турции в Ереван шестимесячным ребенком после смерти моей матери. Лет с семи с раннего утра я бегал босиком по улицам с избитыми в кровь ногами, продавая воду. Я вдруг так отчетливо все это представил, что горло мое сдавили слезы, и я не выдержал — выбежал на улицу, упал на скамью и зарыдал...

— Трудно уйти от детства?

— От него уйти невозможно. И никаким транспортом не уехать из прошлого. Оно не исчезает — оно всегда с нами. Мы, возможно, воспитывались ложно, замкнуто, о многом понимали неверно, но и в этом ложном мире мы любили добро и верили в дружбу. Вообще у нас была вера... Вера в будущее. И все-таки было детство, понимаете?

— Дереву лучше расти в хороших лесах...

— Да, да... В хороших условиях люди хороши, в плохих — плохи, а в ужасных — ужасны...

— Но есть люди, живущие в хороших условиях, но по сути своей подонки...

— Есть. Но это уже от другого зависит: от воспитания, от самого человека, наконец. Человека несчастным делают люди, а счастливым — он сам. Грубые люди проявляют свои амбиции по-разному. Например, наступят на ногу в метро и не извинятся. Вы сами, наверное, не раз убеждались, что если вас нечаянно толкнут, а потом вежливо извинятся, вам уже и не обидно, а если не извинятся, настроение может испортиться на целый день.

— К сожалению, не все это мы следуют...

— Не все. Но в человеке все-таки преобладает сила добра. Но чтобы эта сила проявилась, нужна внутренняя свобода, то есть уверенность, что ты силен. Ведь что такое добро? Это сострадательная сила, которая толкает человека на решительные поступки.

— А добродушие?

— Оно тоже способно к состраданию. Добро размышляет, вырабатывает тактику, обеспечивающую победу. Но эта тактика пугает добродушных людей, потому что такие люди всегда находят для себя оправдание, и их тянет в компанию таких же приятных, единодушно осуждающих зло,

но не способных на поступок.

Вы знаете, мне в жизни пришлось пережить много тяжелых минут, вокруг меня была масса милых, доброжелательных, сочувствующих, но абсолютно бездействующих людей.

Вот сейчас многое выяснилось: кто, где, когда и кого предал и кто, где, когда и кого защищал. И что интересно, оказалось, что многих интересуют не столько предатели, сколько защитники и те, кто бездействовал, — знал, мог что-то сделать, но бездействовал. Или же, если защищал, то не до конца. От тех, кто совершает поступки, народ требует, чтобы они шли до конца. А люди добродушные любят попить чаек, посудачить...

— В течение многих лет условия нашей жизни не способствовали воспитанию нравственных качеств, а скорее, наоборот...

— Сегодня мы с горечью говорим о дефиците чести, достоинства, жертвенности, сострадания. Мы жили во лжи почти столетие и за шесть-семь лет измениться, стать чистыми — невозможно. Если у вас квартира запущена настолько, что стены облупились, потолки обваливаются, тараканы бегают, вы, начиная делать ремонт, ужасаетесь: неужели из этого можно сделать что-то приличное? Но постепенно все встает на свои места. Вот и у нас в стране наступил период ремонта. И то, что у многих появилась тяга к Церкви, — прекрасно. Мы начали задумываться о том, что, живя на земле, ответственны не только перед своей жизнью. Будущее поколение — это наша совесть. Замечательно, что дети сегодня знают Библию.

Согласитесь, смешно доказывать, что убийство — недопустимый поступок, красть — дурно, жить в любви — хорошо. Это знает каждый с детства. Но все эти заповеди окажутся ненужными, если исчезнет всему этому обоснование. Только веруя, мы можем познать истинный смысл добра и зла.

— Глядя на сегодняшнюю жизнь, так и хочется спросить: как Бог допустил это?

— Да Допустил. Допустил нашу свободу, но не оставил нас во тьме неведения. Путь познания добра и зла указан. А выбирать нам с вами. Вот только как бы нашим внукам не пришлось расплачиваться за выбор ложных путей.

— Неужели на такой грустной ноте мы и завершим нашу беседу?

— А вам непременно хочется счастливый конец?

— Хотя бы надежду.

— Она не мыслима без веры...

Лидия ГАЛУЩЕНКО.

Фото Н. Самойлова.